

Когда главное — всё...

О новой поэзии Тимофея Сергеева

1

С автором этой книги я познакомился около пяти лет назад на популярном в то время поэтическом сайте. Хорошо помню яркое и сильное впечатление, какое на меня произвели его стихи. Они отличались культурой исполнения, их тематическая и смысловая направленность была глубока, но изложена просто и ясно. Финальные строки, как правило, не только сюжетно завершали текст, но несли в себе определённый итог философского, нравственного или гражданского содержания. А потом стихи Тимофея Сергеева стали меняться...

Их автор, полагаю, заметил, что я стал всё реже «откликаться» на них. Причин для этого было несколько. Последние год-полтора он писал весьма продуктивно, но я не всегда мог понять, что именно в этом потоке доминирует. Он писал очень о разном. Он писал о вещах, которые мне были мало знакомы. Он писал на уровне ассоциаций и метафор, чей смысл мне часто был непонятен. Но главным в тех переменах, о которых я говорю, мне казалось иное. Постараюсь пояснить, что я имею в виду.

Конечно, я постоянно сталкиваюсь с весьма одиозными высказываниями, что смысл поэтического текста не суммируется из буквального значения слов, в него входящих, что поэзия заключена не в её номинативных единицах, а в переносном значении их совокупности, что поэтическое целое многозначно соотносится с амбивалентностью отдельного и конкретного поэтического образа, и т. д. Особенно любима поэтической братией фраза Верхарна: «Поэзию следует искать не в сочетании слов, но в атмосфере, которую создают эти сочетания». Да, красиво, но скорее оригинально, чем практично: профессионально пишущие люди

в своей практике в подобных заклинаниях не нуждаются, и лишь бесталанная заумь мудрёными фразами оправдывает свою несостоятельность. Но пространство стихов Сергейцева действительно по-новому выстраивало отношения формы и содержания, и было нужно иначе, чем прежде, вникать в их диалектику. И даже любя его поэзию, я бы не взялся за это предисловие, если б не нашёл островков её осознанного понимания.

2

Анализируя стихи «сегодняшнего» Сергейцева, нужно, как мне кажется, говорить об относительности в ней главного и второстепенного. Привычное построение сюжета с его добродетельным и строгим порядком развития конфликта или с античных времён одобренным принципом «тезис — антитезис — синтез» — всё это для стихов Сергейцева уже неактуально. Сегодня — нервное, чреватое парадоксальными эпитетами, смысловыми лакунами и неожиданными поворотами восхождение к финалу, которое, впрочем, может окончиться лабиринтом многозначности или даже сумраком без итога... Так уже в стихотворении «Ковёр», открывающем эту книгу, смысловая полифония не предполагает однозначного понимания, что главенствует в его содержании: восточная ли экзотика, духовная исповедь или обращение к будущему с признанием, что именно в творчестве заключены смысл и содержание жизни. Главное — всё. Или может стать таковым. Или не может, но всё равно окажется главным при соответствующих обстоятельствах.

Не может, но всё равно окажется... Конечно, подобное утверждение принять трудно и даже невозможно, — но не тогда, когда речь идёт о стихах Сергейцева.

Вот, например, замечательное своим ассоциативным размахом стихотворение «Урожай», сюжет которого отсылает нас к библейской притче о возвращении блудного сына — правда, с одной, поправкой: этот сын никуда не уходил... Он был и есть здесь — при отце, при доме и родной деревне, вот только при всём этом он — блудный. А ещё он, кажется, поэт — и уже потому чужд окружающей лихой простоте. Сам по себе такой поворот сюжета превосходен, но ведь сколько вокруг возникает «невозможных» — иначе не скажешь! — деталей самой разной

природы. Например, безвестный дед, который умеет ходить по морю аки посуху. А ещё сын, который «вечно будет молодым» — и как тут не вспомнить знаменитое «Не расстанусь с комсомолом — буду вечно молодым!»?

Так, может, нам рассказывают некую притчу, чей смысл как-то связан с нашим прошлым, чьи «Корабли ушли. И пусто»? И тогда не случайно так тоскливо и обыден финал:

Пусть утешится Мария.
Пусть оциплет это горе.
Сварит и утопит в супе.
Зря, сынок мой милый, зря...

Я понимаю, что подобными размышлениями рискую вызвать насмешливое недоумение у автора, но сейчас хозяин здесь читатель — то есть я! И это меня осенила печальная догадка о прошлом — совершенно невозможно возникшая после прочтения всего лишь одной строки. И строка вдруг стала главной и повела корабль стихотворения совершенно новым курсом. И я никогда не узнаю, сам ли я простодушно и нелепо отозвался на случайную строку воспоминанием о прошлом, или это лукавый автор повёл меня за собой намеренным звуком своей странной дудочки...

3

Другой особенностью стихов Сергейцева оказалась невозможность определения их тематической специфики. Вскользь я об этом уже сказал, обратившись к стихотворению «Ковёр», но теперь стоит поговорить в этом более подробно и наглядно. Среди многих стихов, способных быть иллюстрацией этого тезиса, я хочу остановить на небольшом, в три катрена, тексте под названием «Летний полдень». Первые строки здесь драматичны, но визуально вполне представимы:

Прикован скелет к пулемётной турели
Бетонного дота последней войны.

Я могу назвать десяток стихотворных и прозаических текстов, где встречается подобный мрачный образ. Самый известный пример можно найти в прологе к знаменитому роману братьев Стругацких «Трудно быть богом...», где подростки XXIV-го, кажется, столетия случайно натыкаются на прикованный скелет, и он становится символом жестокого, никогда не умирающего прошлого, грозящего стать будущим. У Сергеева всё ещё «страньше» и одиозней — следующие две строчки неожиданно сопереживают прикованный скелет ...с героями античной мифологии:

А в щель виден лес, где дудит на свирели
Настойчивый фавн — да и нимфы видны.

Мёртвый пулемётчик, фавны и нимфы... А потом появится ещё и НЛО в традиционном виде летающей тарелки. И единственная «обыкновенная» здесь деталь пейзажа — это «исходящие смолою» душистые ели...

О чём же всё это? — полагаю, на этот вопрос не ответит и сам автор. Но мне эта безумная поэтическая фантазмагория запомнилась уже с первого знакомства с ней! Я, кажется, даже знаю, чем и почему, и попробую связно перевести свои ощущения в соображения.

Мы, цивилизованные люди, уже давно живём в мире, разделённом тысячами признаков. У каждого из нас свой социальный, временной, профессиональный, географический, этический и прочая, и прочая статус. Наша память обременена опытом, воспитанием, профессиональными знаниями, любимыми и нелюбимыми книгами и фильмами, и множеством всего такого, что и не перечислить. И чтобы, не ломая ног, ходить по этой пересечённой местности, наш бедный мозг протаптывает в ней тропинки связанных между собой пространств, времён и их признаков. Это значит, что в Сахаре не бывает снежных заносов, а плывя на лодке, не собирают одуванчиков. Иначе говоря, жизнь, подобно Станиславскому, предлагает каждому из нас существовать так, как актёр исполняет роль, — то есть, в заданных обстоятельствах. Но ведь как дышим, так и пишем! А Сергеев вдруг захотел другого — и потому прикованный скелет в его стихах соседствует с НЛО, а рядом нимфы и фавны вовсю крутят любовь. А вам, уважаемые читатели, никогда не хотелось пожить в таком

невозможном мире? Мне — хотелось! И вот самым неожиданным образом я теперь могу попробовать, какова она — эта свободная от всех оков поэтическая реальность...

4

Да, свободная — но вовсе не оторванная от литературных традиций, от национальных корней, а главное — от действительности. Трудно не увидеть, как поэт Тимофей Сергейцев этой метафорической образностью своих стихов, этим множеством художественных тропов, деталей и аллюзий привязан к России. И при всём буйстве фантазии его поэзия — когда дело касается знаковых величин — остаётся верной историческим вехам и идеалам.

Не случайно в сборнике оказались рядом два стихотворения, посвящённые Петербургу и Москве — этим священным коровам русской литературы. Собственно говоря, узнаваемые детали и названия, связанные с великими русскими столицами, так или иначе возникали во многих текстах Сергейцева, но именно «Город» и «Восемь, Москва, снег» мне показались особенно интересными для демонстрации того, как различно они «сделаны».

Если суммировать всё, что прочитано мной в русской поэтической классике о Петербурге — от Державина и Пушкина до Блока и Мандельштама, — то из огромного многообразия тем, стилей, интонаций и исторических реалий возникнет образ неумолимого и несокрушимого величия, вознесшегося во славу России и во имя будущего отрицающего её прошлое.

Мне не хочется утомлять читателя прозаическими переложениями того, каким явился Сергейцеву Петербург. Я лучше просто приведу пару строф из стихотворения «Город»:

Это Город-Которого-Не-Было. Город-Проект.
 Не торгош амстердамский. Не дож золотой из Венето.
 Тут иной совершенно в пространстве развёрнут аспект.
 Только чистая мысль и предвиденья чистое нетто.

... ..

Он не знал поражений. Ни разу не отдан врагу.
 Защищён идеалами, значит — фанат революций.
 Он же кровью поэта поклялся на белом снегу
 Никогда не иметь, но безумно желать конституций!

Думаю, читатель даже в этих двух строфах, произвольно выхваченных мной из достаточно большого поэтического текста, ощутит амбивалентную суть этого города — одновременно возвышающего и топчущего своих адептов, вместе страшного и гордого, внушающего страх и любовь. Весь строй этих стихов наполнен высокой символикой там, где речь идёт собственно о Петербурге, зато уничижителен и ироничен по отношению к его западным соседям-соперникам. Даже историческая амбивалентность Петербурга — «Никогда не иметь, но безумно желать конституций!» — внушает мистический страх. И рокочущая музыка пятистопного анапеста ещё долго не отпустит вас, когда вы перевернёте страницу...

А теперь о Москве — в стихотворении небольшом и, в отличие от предыдущего, вовсе не насыщенном символами и аллюзиями, но забористом и немного ехидном, как зазывный стишок лихого коробейника:

Жемчужно-серый небосвод
 К земле приклеен мокрым снегом,
 И злющий утренний народ
 Не выспался перед забегом.

Нам камень в русский огород
 Давно заброшен печенегом.
 Но среди множества природ
 Моя сильна дождём и снегом...

Это — Москва. Здесь не фронт многовековой войны за славу и европейское величие, а место жизни, работы, хлопотной каждодневности. Здесь не произносятся вещие пророчества и даже стихи пишутся «втихоря» — но пишутся они Иваном Великим, и упомянутый всего в двух строках Кремль хранит свою белоснежную русско-итальянскую родословную.

И даже будто вскользь мелькнувшие печенегии тоже вовсе не случайны, как не случаен и шаман, пытавшийся украсть солнце у древнего стольного града. И пусть читатель ещё раз удивится тому, с какой великолепной небрежностью автор этих стихов сопрягает быт с небесами, ландшафт с историей, непогоду с архитектурой. Позволю себе рискованное и трудно доказуемое утверждение, что подобная тематическая полифония, амбивалентность в сопряжении и единстве разнородных сущностей и состояний, органичность и единство парадоксов и полярностей — это качества уже не столько поэзии, сколько личностной специфики, которая во всём мире с разной коннотацией — от почтения и опаски до недоумения и иронии — именуется загадочной русской душой.

5

Мне было непросто осознать и сформулировать для себя этот тезис — о «русскости» поэзии Тимофея Сергейцева, — но именно он многое прояснил. И то, что прежде смутно ощущалось, теперь стало ясным продолжением великих державинских строк:

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Особенности поэтики Сергейцева стали для меня примером и доказательством того, что стихия народности способна принять характер индивидуального творческого стиля. И когда я попытался найти этой поэтике аналогию в известной мне классике, то поразился, почувствовав её в стихах ...Иосифа Бродского!

Конечно, мне не поверят. Конечно, мне скажут, что я высасываю аналогию из пальца и выдаю что-то за что-то... Что ж, я к этому готов, поскольку

и сам себе не верил, пока не нашёл для своих ощущений достаточно ясные доказательства. Вот одна цитата:

Председатель Совнаркома, Наркомпроса, Мининдела!
 Эта местность мне знакома, как окраина Китая!
 Эта личность мне знакома! Знак допроса вместо тела.
 Многогочие шинели. Вместо мозга — запятая.
 Вместо горла — темный вечер. Вместо буркал — знак деленья.
 Вот и вышел человечек, представитель населенья.
 Вот и вышел гражданин,
 достающий из штанин.

А вот вторая:

Отовсюду с минаретов муэдзинит зов прогресса,
 огоньки на рейде — это — это точно не Одесса;
 полицейский выпить кофе подкатил на ламборгини,
 Гюльчатая лицо открыла — вот вам вместо юбки-мини!
 В темноте горячий воздух шевелит листьями пальмы,
 здесь бы до ста лет и больше жил да жил бы Улоф Пальме:
 миссия невыполнима —
 пули улетают мимо.

Первая цитата — из Бродского: его знаменитое «Представление». Вторая — из Сергейцева: «Южная ночь». Не правда ли, они очень похожи? — похожи вплоть до того, что обе строфы легко представить себе частями одного текста. И пусть читатель не подумает, что я втяхиваю ему эту аналогию лишь на основании ритмического единства, поскольку обе строфы являют собой восьмистопный хорей с цезурой после четвёртой стопы. Однако аналогия, основанная лишь на размере текста, была бы поверхностна и формальна, хотя такой размер достаточно редок в русской поэзии. Но есть в приведённых отрывках нечто более важное и органически неотъемлемое, чем ритмический рисунок: это сложная и прихотливая полифоничность сущностей и номинаций, образность, сочетающая в себе временные и пространственные разнородности, архитектоника, дающая читателю максимальную свободу в трактовке такой мозаичности.

Ещё раз я вспомнил Бродского, читая стихотворение Сергейцева «Около молитвы». Вспомнил и сначала удивился! — стихи эти написаны как аллюзия на знаменитую «Песню акына» Андрея Вознесенского, и на первый взгляд с Бродским их ничто не связывает. Но только на первый взгляд...

Есть у Бродского знаменитые стихи «На смерть Жукова». Тематически они повторяют державинского «Снегиря», написанного как эпиграмма Суворову, но в идейном отношении они «Снегирю» противопоставлены. Должен сказать, что при всей прозрачности и простоте приёма Бродского, я аналога этим его стихам в русской поэзии не знал. А потом прочёл «Около молитвы» — и поразился: Сергейцев повторяет зачин стихов Вознесенского лишь для того, чтобы в дальнейшем построить антонимический парафраз:

«Пошли мне, Господь, второго...»
 А, впрочем, не посылай.
 Не стану делить с ним слово,
 Твой одноместный рай...

Иначе говоря, ничуть не болея модной нынче «бродскостью», не увлекаясь играми в анжамбеманы, составные рифмы и разъятые на стыке строк слова, Сергейцев переоткрывает в своих стихах приёмы, близкие к тем, которые значимы в творчестве русского нобелиата.

6

Хочу сказать ещё об одном свойстве поэтического мышления Сергейцева — о его поразительной вовлечённости в самые разные пласты русского языка. Проявления этого качества необъятны и многолики, и я могу назвать лишь некоторые из них: например, использование лексических конструкций, ассоциативно связанных с крылатыми выражениями, афоризмами, пословицами и поговорками. Напомню читателю, что мы уже читали «Урожай», где один из персонажей «будет вечно молодым». И как не вспомнить строку про «сумрак ночи» из пастернаковского

«Гамлета», прочитав у Сергейцева «На меня нацелены проспекты...»? Ну а знаменитая щедринская сказка сама приходит на ум после такой строфы:

Оставь пустое благородство.
 Оно не лучше самозванства.
 Медвежество на воеводстве
 Не хуже ханжества на ханстве.

(На потолке подслеповатом...)

И хотя подобных примеров великое множество, их не так-то легко разглядеть — настолько точно и органично они встроены в поэзию, совершенно отличную от их первоисточников. Зато мы легко и с удовольствием прочтём новые для себя названия городов — нынешних и давно исчезнувших. Нам предложат экзотические овощи и фрукты, а также блюда и напитки, из них изготовленные. Мы узнаем названия древних преданий и имена богов и героев, прославляемых в них. А ведь ещё есть планеты и звёзды, горы и реки, континенты и острова, физические и химические термины, знаки Зодиака и категории метафизики... Но даже всё названное и близко не исчерпывает того огромного массива информации и соответствующей лексики, которым умно, с чувством вкуса и меры распоряжается Сергейцев. Прошу читателей поверить, что я легко могу привести примеры всех названных мною языковых редкостей и вкусоностей. Но зачем мне делать это, лишая вас возможности совершить эти открытия самостоятельно и с удовольствием?

7

И уже приближаясь к итогу дозволенных мне речей, я вспоминаю случай, когда Сергейцев вдруг углядел в тексте какого-то стихотворения связь между военной тематикой и магическими верованиями и в качестве отклика написал его автору фразу, поразившую меня своей образностью, простотой и доходчивостью: «Это как если бы Константин Симонов и Стивен Кинг были одним человеком...». Такое замечание стоило целой статьи, и я посетовал, как много филология потеряла оттого, что он не занимается

ею профессионально! Но, наверное, я ошибался: Сергейцев — не филолог. Он оперирует информацией, масштабы которой намного больше, чем предполагает знание истории и теории литературы. В его мышлении естественно сосуществуют и дополняют друг друга физика, философия, социология, этика, эстетика, гносеология, онтология и прочие «логии», которые я знаю больше по названиям, а он — глубоко и существенно. Критические соображения, которые Сергейцев адресует своим коллегам по поэтическому цеху, говорят о широте его знаний во многих областях. Представление же о незаурядности его поэтического таланта каждый из читателей его книги, я полагаю, составит сам.

Марк Шехтман,

поэт, член СП Израиля

27 июля 2020 года

Ковёр

Я покупаю восточный ковёр —
Хитросплетение множества жизней.
Будьте глаза, как принцессы, капризны.
Сердце, смелее. Дух, будь остёр.

Я выбираю персидский ковёр.
Где-то в чужом и далёком Иране,
Слушая суры святого Корана,
Опытный мастер разводит костёр

Красок подземных и красок небесных.
Вяжется за узелком узелок.
Годы пройдут, и исполнится срок,
Сложится жизнь, и закончится песня.

Это ковёр выбирает меня.
Душу мою покупает и платит
Звонкой монетой. И новое платье
Просит душа для грядущего дня.

Этот ковёр — он и детям, и внукам
Будет нащёптывать сказку мою.
Ту, что уже потихоньку пою,
Стоя в саду остановленных звуков.

На свежем воздухе

1

Душа висит бельём на сквозняке,
На прочной нити беспробудной ночи.
Морозный дух змеится по щеке,
Стекает тонкой струйкою молочной.

Ледок хрустит на складках простыней.
И дышит свежестью, как найденное слово.
Раскрыта космосом вселенная сеней,
А в ней парят спасённые коровы.

Но это всё пока ещё не снег.
Не чистовик творенья, не основа.
И чьи-то гнёзда, там, у самых слег,
Ещё проходят по разряду новых.

А вот когда за каждый мелкий шаг
Заплатишь записью в открывшихся архивах,
Тогда и снимется с верёвочки душа,
И снег пойдёт и в Лондоне, и в Фивах.

2

Снежинки суть правильной формы
кристаллы небесного льда.
Сквозь ветры и бури, и штормы
на землю нисходят, когда

и сердце молиться устанет,
и тьма заливаает глаза —
холодными злыми устами
планету целует гроза.

Да что же им делать, сердешным,
на грешной, на нашей земле?
Они умирают поспешно.
Но всё продолжают лететь...

3

К нам снег летит из белой пустоты.
Она, пожалуй, пострашнее чёрной.
Об этом помнят многие коты,
кто там бывал. Их знание бесспорно.

Квадрат Малевича — вот выход из неё.
Сгодится и любая подворотня.
Дверной глазок. Старинное ружьё.
Тоннель метро. Воронка над Капотней.

В спящем облаке мой маленький биплан
засёк схождение зенита и надира
в единый центр. Так вот каков был план —
я падаю в происхожденье мира...

* * *

Прислушиваясь к звукам из окна,
задремлешь — и просядешь лет на сорок,
в семидесятые, а там стоит весна
и будущего не сгустился морок.

Погоня

Ни шатко, ни валко, а тащится время,
плетётся у бодрых событий в хвосте.
Летит Маргарита, намазавшись кремом,
и ей хорошо в голубой высоте.

А время пытается съесть Маргариту,
всё ставит и ставит её на повтор,
старается паузой спутать и ритмом,
догнать в катафалке — роскошном авто.

Беги, Маргарита, из древнего плена,
сквозь Бхагаватгиту, к началу начал.
Смотри, под тобой розоватая пена
Венеру уже родила до плеча.

И снова — назад! Над извивами Рейна,
где золото блещет и плещет волна...
Пусть Мастер витает в своих эмпиреях,
но ты на свободе резвиться вольна.

Пока Ахиллес не догнал Черепаху.
И Хронос тебя не настигнет к утру.
Болотные тени натерпятся страху
и с первым же лучиком солнца умрут.

Превысив известные скорости света,
уловишь, как время, заковано в свет,
уносится в Тартар последней кометой...
А после спокойно проснёшься в Москве.

Открывая шкаф

Носите старые одежды,
Забывтый всеми макинтош —
Как поручительство надежды,
Что слух по-прежнему хорош,
Что дух силён и остр разум,
Что сердце видит всё насквозь,
Что мы способны вместе, разом
Намного более, чем врозь.

Носите старые ботинки
Как память пройденных дорог,
Чтоб легким шагом, без запинки
Переступить любой порог,
Где любят нас и жаждут видеть,
А если нужно уходить —
То не цепляясь за обиды,
За мысли: «что там впереди?»»

Носите, джентльмены, шляпы,
Их не заменит нам ничто,
Без шляп мы не годимся в папы,
А жизнь без пап — совсем не то.

И галстук-бабочка уместен —
Ведь он не ниспадает в суп,
Да просто галстук, если честно,
Тому поможет, кто не глуп.

Носите и несите судьбы,
Что нам оставили отцы:
Им всем кресты — ещё на грудь бы,
Страну водившим под уздцы.
Но звёзды, звёзды на могилах,
На башнях, крыльях и плечах,
И в этих звёздах — наша сила
И недругов животный страх.

Сирени

Сирени, умытые ливнем,
Над серым асфальтом парят,
И серое небо над ними —
Их свадебный вдовый наряд.

А воздух цветным ореолом
Вбирает и пламя, и дым;
Расплавленным оловом слово
Смывает остатки беды.

Дышите грозой, сирени,
Питайте воздушный заряд.
Вы лечите мир от мигрени,
А он и не очень-то рад.

Резиной чадит и бензином.
Уверен, что долго не жить.
Полны бельевые корзины
И жадно горят этажи.

Умрите со мною, сирени.
Лучитесь в тумане, во мгле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru